

И.В. Плющ

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ИЗМЕНЕНИЯ МОДЕЛЕЙ РОЖДАЕМОСТИ И ИХ УЧЕТ В СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Рассмотрены основные закономерности развития репродуктивного поведения семьи, отражающие качественные изменения в развитии процесса естественного воспроизводства населения. Последовательность этапов развития логически взаимосвязана и позволяет объяснить изменения репродуктивной мотивации. Эти изменения необходимо учитывать, планируя меры социальной политики.

Ключевые слова: социальная политика, демографическая политика, планирование семьи, репродуктивное поведение семьи, модели рождаемости

Key words: social policy, demographic policy, family planning, reproductive families' behavior, model of birth rate

Несмотря на значительные социально-экономические изменения российского общества в последние годы, многие проблемы социальной политики продолжают оставаться актуальными еще с советских времен. Советское государство позиционировало себя как государство, в котором в условиях уверенности в завтрашнем дне и отсутствии противостояния социальных групп постепенно исчезают проявления асоциального поведения, а поведение людей становится рациональным и идеологически оправданным. Основываясь на этой концепции, в рамках государственных попыток влияния на процесс рождаемости традиционно использовались преимущественно методы идеологического характера, включающие морально-психологическое воздействие («долг гражданина»), различного уровня усилия по закреплению некой культурной нормы («семья без ребенка — не семья», награды многодетной матери), а также экономическое обеспечение (деше-

вые дошкольные учреждения, доступное медицинское обслуживание, образование).

Продолжающееся на протяжении всего XX в. снижение рождаемости, особенно заметное с середины 1960-х гг., позволяет сейчас поставить вопрос о необходимости обновления концептуальных основ объяснений динамики процесса рождаемости в современном обществе.

С одной стороны, представления о личностной и культурной обусловленности величины рождаемости широко распространены в российском обществе как на уровне теоретических, так и на уровне бытовых представлений. О последних можно судить по предпочтениям в ответах респондентов на многочисленные социологические опросы (многие респонденты в качестве объяснений направленности репродуктивного поведения предлагают объяснения «культурно одобряемые», а не реально действующие). Логично предположить, что, воздействуя на эти широко распространенные представления, не потребуется больших усилий для воздействия на репродуктивное поведение людей.

С другой стороны, очень низкую действенность мер демографической политики, основанной на использовании преимущественно психологических, пропагандистских механизмов влияния, невозможно игнорировать, поскольку она реализуется уже на протяжении нескольких десятилетий. В последнее десятилетие в российском государстве практикуется фактически моральное давление на население для изменения репродуктивной модели поведения в сторону повышения рождаемости, что формирует своеобразный комплекс вины («гибель нации», «вырождение нации», «утрата половины страны — Сибири и Дальнего Востока», «кризис семьи»).

Низкая эффективность демографической политики, реализующейся в рамках концепции индивидуальной ответственности за репродуктивное поведение, распространенное в обществе, может свидетельствовать о необходимости изменения направленности усилий, необходимости изменения самой концепции социальной политики.

Проблема современного распространения низкой рождаемости населения относится к тем парадоксальным проблемам, которые, с одной стороны, активно обсуждаются, а с другой стороны, недостаточно изучены. Практически ни одна публикация на демографические темы не избегает сегодня упоминания о чрезмерно низкой рождаемости. Ни один политик, общественный деятель в рассуждениях о проблемах развития страны или будущем государства не обходится в последнее десятилетие без ссылки на «катастрофически низкий» уровень рождаемости. Драматичность оценки при этом меняется от закономерных, естественных процессов до национальной катастрофы, геноцида нации.

Статистические данные на первый взгляд действительно позволяют такой разброс интерпретации. Фактически попытки объяснений явления низкой рождаемости раскладываются на четыре группы: экономическая, демографическая, социологическая и психологическая. К первой группе относятся причины *экономического* порядка, связанные с кризисом государства и об-

щества, когда низкий уровень жизни и обусловленное им состояние здоровья населения (Бреев 1998; Исупова 2002; Карцева 2003; Римашевская 2004) определяет снижение рождаемости как следствие недостаточности ресурсов. Совершенно естественно возникает побуждение провести сравнение с аналогичным показателем для других регионов.

Но сегодня в мире типичной является ситуация, когда низкая рождаемость (в том числе и чрезмерно низкая — ниже уровня естественного воспроизводства) характерна для западных стран именно с высоким уровнем жизни. «На рубеже веков во всех развитых странах, кроме США и Новой Зеландии, рождалось менее двух детей на одну женщину, многие из них находились в одном ряду с Россией» (Вишневикий 2004). И наоборот, рождаемость выше уровня воспроизводства наблюдается в странах традиционной культуры как с низким, так и с высоким уровнем жизни (Кувейт — 2,5 на одну женщину; Саудовская Аравия — 5,3; Ботсвана — 3,7) (Страны и регионы 2005). «Сейчас высокая и очень высокая рождаемость остается уделом слабо урбанизированных развивающихся стран Азии, Латинской Америки и Африки» (Вишневикий 2004).

Интересные данные по соотношению уровня рождаемости и распределения населения по доходам в Санкт-Петербурге приводит А.В. Баранов. В 1998–1999 гг. в составе населения бедных насчитывалось 29 %, а среди рожениц их доля составляла 66,3 %, тогда как для экономически благополучных семей это соотношение равно 25,6 и 8 % соответственно (Баранов 2000). В целом статистические данные различных стран показывают, что низкий уровень жизни населения не является причиной снижения уровня рождаемости. Более того, для стабильно бедных сообществ характерен более высокий уровень рождаемости. Интересно, что эта закономерность проявляется не только в больших сообществах, но и на уровне социальных страт, социальных групп внутри сообществ (Баранов 2000).

Попытка соотнесения России с тем или иным типом культуры и этапом демографического перехода (вторая группа причин — *демографическая*) лишь подчеркивает явную противоречивость ситуации. Для второго этапа демографического перехода характерно сочетание высокой рождаемости / низкой смертности (страны традиционного типа культуры); для третьего — низкой рождаемости / низкой смертности (страны европейского типа культуры). Российские показатели воспроизводства населения можно определить как «низкая рождаемость / высокая смертность», т. е. они представляют отдельную группу и характеризуются как отражение некой переходной стадии развития общества между вторым и третьим этапами демографического перехода (это касается всего комплекса показателей развития российского населения). Рассмотрение временных рядов коэффициента рождаемости, приведенное в табл. 1, подтверждает это впечатление.

Статистические данные табл. 1 показывают *долговременную* тенденцию снижения рождаемости в качестве тенденции, практически не коррелирующей с уровнем жизни населения. Нет необходимости в обосновании несопоставимости уровня жизни населения нашей страны для 1920, 1950, 1980 гг.

Можно априорно признать рост уровня жизни для 30-летних периодов, это косвенно подтверждается, например, последовательным увеличением продолжительности жизни (табл. 2). В то же время уровень рождаемости стабильно снижается. Фактически наблюдается снижение уровня рождаемости *независимо* от неоднократных и весьма резких изменений социальных, экономических или политических характеристик развития страны. Например, кратковременный, но существенный подъем рождаемости в 1980-е гг. (точнее, в 1983–1987 гг.) обусловил и некоторый рост рождаемости с середины 2000-х как последствие вступления в репродуктивный возраст детей этой демографической волны. Потенциал этой волны еще не полностью реализован и при отсутствии поддержки может угаснуть к 2010 г. (в силу этого именно сейчас в российском обществе оптимальный момент для реализации мер пронаталистской социальной политики).

Одновременно с этим данные статистики свидетельствуют об однозначном снижении рождаемости на протяжении всего прошлого века, возможно, и раньше. Привлечение более ранних данных также подтверждает наличие долговременной тенденции. По мнению С.А. Новосельского, для большинства регионов России снижение уровня рождаемости наблюдается с конца XIX в. (Новосельский 1988; Струмилин 1957).

**Таблица 1. Показатели рождаемости населения России
(на 1,0 тыс. человек населения)**

Год	Рождаемость	Величина изменения (например, 1930–1940)
1920	39,3	
1930	42,2	+2,9
1940	36,1	-6,1
1950	28,8	-7,3
1960	23,2	-5,6
1970	14,6	-8,6
1980	15,9	+1,3
1990	13,4	-2,5
1995	9,3	-4,1
2000	8,7	-0,6
2005	10,2	+ 1,5
2006	10,4	+ 0,2
2007*	11,1	+ 0,7

*Предварительные данные (январь–август).

Источник: Статистические материалы федеральной службы государственной статистики // www.gks.ru.

Независимо от фактического начала формирования, долгосрочность тенденции снижения рождаемости позволяет предположить ее обусловленность генеральными тенденциями развития российского населения, идентичными тенденциям развития мирового населения.

В качестве дополнительного подтверждения отсутствия прямой зависимости между уровнем жизни и величиной рождаемости можно рассмотреть значение средней продолжительности жизни населения России. Таблица 2 независимо от субъективных оценок свидетельствует о стабильном росте продолжительности жизни населения страны.

Таблица 2. Ожидаемая продолжительность жизни населения России при рождении (число лет)

Год	Все население	Мужчины	Женщины	Разность (4–3)
1	2	3	4	5
1926–1927	42,9	40,2	45,6	5,4
1939	47,0	–	–	–
1958–1959	67,9	63,0	71,5	8,5
1969–1970	68,8	63,1	73,3	10,2
1986–1987	70,2	64,9	74,6	9,7
2000	65,3	58,8	72,2	13,4
2005	64,8	59,0	72,0	13,0
2006	66,7	60,6	73,1	12,5
2007*	67,5			

*Предварительные данные (январь–август).

Источник: Статистические материалы федеральной службы государственной статистики // www.gks.ru; Институт демографических исследований // www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=1&idArt=990.

В демографическую группу причин изменения уровня рождаемости включают и так называемые *структурные* объяснения. К ним относятся «эхо войны», диспропорции половозрастного состава, показатели брачности и др. При этом опять-таки незначительно практикуются сравнения аналогичных показателей для других регионов мира. Россия не единственная страна, прошедшая войну. И если на *абсолютных* цифрах рождаемости людские потери за период военных действий действительно неизбежно сказываются до настоящего времени, то использование *относительных* показателей в таком

контексте несколько некорректно. При сохранении количества рождений на одну женщину например на уровне 1960-х гг., т. е. 2,3, ситуация складывалась бы принципиально иначе. Не привлек внимание исследователей и тот факт, что негативные структурные характеристики российского общества отслеживаются на протяжении нескольких десятилетий, в то время как позитивные в статистически очень слабом выражении фиксируются в лучшем случае 2–3 года.

Социологическая группа причин наиболее полно представлена концепциями «кризиса/модернизации семьи» и моделью «экономической полезности». Эти концепции основаны на признании исторического уменьшения потребности семьи в детях по мере сокращения ее функций или снижения «экономической полезности» детей (Антонов 2007; Борисов 1976; Дарский 1979). Концепции фиксируют особенности развития количественных закономерностей детности, не полностью объясняя качественные аспекты этих изменений.

Предполагается, что рождаемость регулируется социальными нормами, т. е. потребностями социума, но механизм перехода с социального уровня поведения на индивидуальный не совсем понятен. Уровень рождаемости определяется особенностями репродуктивных мотивов людей. Репродуктивные мотивы побуждают индивида к достижению разного рода целей через рождение определенного числа детей. Мотивация характеризует личностный смысл появления на свет ребенка любой очередности, при этом дети оказываются средством достижения тех или иных целей, которые побуждают к обзаведению детьми. Снижение репродуктивной активности семьи происходит через изменение репродуктивной мотивации: снижение детности – результат влияния исторического снижения потребности в детях.

Само изменение происходит через модернизацию социальных норм детности, определяемых, в свою очередь, снижением уровня сформированной потребности. Предполагается, что каждая новая брачная когорта открывает семейный цикл жизни, имея сформированный в процессе социализации средний уровень потребности в детях. Этот уровень образует потолок возможной рождаемости для данной когорты — вся последующая семейная жизнь способна скорее «срезать» исходный уровень, но не превысить его. Считается, что неполная реализация сформированного уровня потребности в детях приводит к возникновению в следующих когортах и поколениях потребности в детях, уровень которой снижен до того числа детей, что соответствует частично или не полностью реализованной потребности (Антонов 2007).

Возникает множество вопросов по развитию этих изменений. Например, действительно ли сформированный в процессе социализации уровень является однонаправленным, т. е. может снижаться, но не повышаться в процессе жизнедеятельности поколения. Этот вопрос принципиально важен для определения границ влияния социальной политики на многие процессы. Остается и вопрос о механизме неполной реализации сформированного уровня потребности в детях — почему этот уровень остается нереализованным, остается ли он нереализованным у значительной части населения и как это связано с уров-

нем развития общества. Отсутствие понимания причин развития какого-либо процесса ограничивает возможности нашего влияния на него.

Взаимосвязь репродуктивного поведения и этапа развития общества

Фактически рассмотренные группы причин снижения рождаемости основаны на понимании величины рождаемости как показателя, регулируемого:

- причинно-следственными связями количественных характеристик населения (структурная группа);
- непосредственно каждым поколением в соответствии с текущими условиями жизни (экономическая группа);
- характером воздействия общества на демографические процессы, определяемого особенностями развития общества (демографическая группа);
- степенью реализации сформированного в процессе социализации среднего уровня потребности в детях (социально-психологическая группа).

Важен факт, что снижение рождаемости не является специфичным для российского общества, оно наблюдается в различных странах мира на протяжении длительного периода (более нескольких десятилетий). Имеет значение также отсутствие или слабая (опосредованная) корреляция снижения рождаемости с национальной культурой, направленностью, режимом и механизмами социальной политики. В каждом конкретном государстве используются различные механизмы и программы поддержки рождаемости, но сохраняется единая направленность процессов воспроизводства.

По мере накопления фактов о развитии общества постепенно формируется понимание необходимости привлечения качественного анализа происходящих изменений, возможно, отражающих сущность развития населения как целостной единицы. Для этого необходимо рассматривать население в качестве некой единой общности, системного образования независимо от страны проживания (Вишневский 2005). Анализ статистических данных и тенденции развития процессов естественного воспроизводства в различных странах позволяют выдвинуть предположение о существовании единой логики развития мотивационных факторов репродуктивного поведения людей. В этом случае существенно снижается значимость индивидуального психологического опыта отдельных людей и его влияния на формирование низкого уровня рождаемости больших групп населения. Это позволяет усомниться в эффективности традиционных мер воздействия на конкретные социальные группы при решении проблем брачного поведения и репродуктивной активности населения.

Рассмотрим подробнее условия формирования *средового фактора* репродуктивного поведения больших групп населения. Анализ общих тенденций процессов рождаемости в регионах Российской Федерации (статистически более доступных, чем мировых) на основе пространственного и временного сопоставления показателей убедительно иллюстрирует невозможность объяснения создавшегося положения исключительно демографическими

(«демографические волны», фаза демографического перехода) и структурными закономерностями, влиянием социально-экономических преобразований последних десятилетий (снижение уровня жизни, «кризис семьи»). Невозможно обойти вниманием показатели, свидетельствующие именно о *качественной* трансформации устойчивых репродуктивных связей, демографических и репродуктивных свойств населения мира и их *долгосрочном* развитии.

При рассмотрении количественных показателей развития населения в науке сложилась устойчивая традиция анализа основных демографических показателей (в первую очередь смертности и рождаемости). Смертность изучается как преимущественно *объективно* опосредованное явление. Рождаемость же — с определенными оговорками — как в большей степени социально обусловленное, т. е. *субъективное* явление. Значительная доля влияния при этом определяется *поведенческими особенностями* населения страны, точнее, репродуктивными стереотипами. К субъективным факторам отнесены факторы и условия, зависящие от личностных характеристик и деятельности самих субъектов. Объективные факторы, в свою очередь, определяются условиями среды, лежащими вне возможностей контроля со стороны субъектов.

В качестве иллюстрации значимости такого разделения факторов можно использовать показатели табл. 2 отдельно для мужчин и женщин (колонки 3, 4, 5). Естественно, что по отношению к объективным факторам все население страны находится в равных условиях. Фактически, на мужчин и женщин с одинаковой силой оказывают влияние экономический и социальный кризис в стране, экологические параметры окружающей среды. В то же время анализ таблицы показывает, что средняя продолжительность жизни этих групп населения весьма различается. У женщин данный показатель ближе к показателям других технологически развитых стран (разница составляет 5–9 лет), в то время как у мужчин он чрезвычайно низок (разница составляет $12,5 + (5 - 9) = 18 - 22$). Другими словами, мужчины теряют от 18 до 22 лет жизни, из них под влиянием субъективного фактора не менее 12 (этот вывод подтверждается структурой причин смертности мужчин). Значимость субъективного фактора не учитывалась при разработке большинства позиций социальной политики. Возможность изменения уровня смертности определялась преимущественно в области медицинских достижений и росте экономических показателей уровня жизни. Устойчивость влияния именно поведенческого фактора на формирование уровня смертности (особенно ярко это проявилось в показателях для мужчин трудоспособного возраста) в настоящее время определили признание субъективных факторов опосредованности смертности. В последнее десятилетие активно формируется признание необходимости целенаправленного воздействия именно на эти субъективные основания (через изменение социальных норм, ценностей, моделей поведения).

Эффективность же влияния на рождаемость, как преимущественно *субъективное* явление, определялась в диапазоне поведенческих особенностей конкретного поколения. Соответственно, доминирующими факторами вли-

яния на рождаемость считались наравне с некоторой экономической поддержкой меры социально-психологического характера. Пропагандировались ценности традиционной семьи, устойчивости семейных связей. Динамика демографических показателей последнего столетия заставляет усомниться в эффективности столь широко распространенного подхода, поскольку незначительное повышение уровня рождаемости последних лет не выходит за рамки влияния демографической волны. Низкая эффективность мер социальной политики подтверждает необходимость использования и других подходов, регулирующих демографическое поведение населения. Некоторые из таких подходов заявлены в новой Концепции демографической политики РФ на период до 2025 г. (Концепция 2007).

Возможность использования *объективного* фактора влияния на репродуктивную активность (или величину рождаемости) населения предполагает изучение условий взаимодействия человека с обществом как основы формирования репродуктивной мотивации личностей. Невозможно отрицать процесс исторического снижения потребности в детях в развитых странах. В то же время механизм формирования этой закономерности остается неясен. Что определяет приоритетность влияния в наборе мотивов репродуктивного поведения семьи? Каким образом возникает мотив, формирующий конкретный тип репродуктивного поведения (в нашем случае — малодетного), как осуществляется взаимосвязь развития общества и активности репродуктивного поведения — именно ответы на эти вопросы позволят сформировать социальную политику, оказывающую влияние на причины современной низкой рождаемости, выйти за рамки ситуативных действий. Понимание того, каким образом внутренняя, личностная мотивация определяется внешними условиями жизнедеятельности общества, может позволить действовать на основе прогноза возможных направлений развития современного населения.

Этап доминирования психологического фактора репродуктивной активности

По мере изменения социальных условий традиционные социальные модели и нормы становятся неэффективными. Возникает новая система ценностей, определяющая и модификацию поведения. В случае принятия существенной частью общества новых моделей поведения складывается ситуация несоответствия реализуемых моделей традиционным нормам и ценностям. Это несоответствие и воспринимается как социокультурный кризис. Но фактически социальный кризис на этом этапе уже разрешается (общество выработало новые формы жизнедеятельности для новых условий), осознается лишь кризис формирования/принятия новых норм. Например, репродуктивная модель поведения в технологически развитых государствах уже изменилась, но признание этого на уровне социальных норм происходит лишь сейчас, на уровне же законодательных актов — большей частью запаздывает или отсутствует.

Репродуктивная активность на ранних этапах развития общества была

обусловлена биологической, позже — социально-экономической системой мотивов, закрепляясь через неизбежно возникающую систему культурных норм (социальных, религиозных, юридических). В сравнительно недавнем прошлом дети рассматривались прежде всего как ресурс семьи, ее собственности, и это позиция была закреплена в законе и нормах общества.

Дальнейшее развитие общества обусловило развитие личностного самознания и расширение личностных потребностей, способствовало признанию ценности и уникальности личности. Постепенно развивается индивидуальная потребность в детях, она становится индивидуально-значимой. Развитие современного общества способствует усилению именно этой составляющей. Непосредственное участие в воспитании детей усиливает эмоциональную связь между ними. Ребенок становится *психологически* значимым для родителей. Эта составляющая усиливается вплоть до доминирования. Социальная значимость ребенка постепенно дифференцируется на семейную и индивидуальную значимость. Ребенок становится самоценностью. Развивается психологически обусловленная *потребность в детях*. Потребность любить, потребность опекать и быть сильным, потребность быть любимым без условий и усилий проще всего реализуется именно через заботу о ребенке. Наличие ребенка также позволяло реализовать стремление к преодолению конечности собственного существования в пространстве и времени и в тех случаях, когда она осознана, и тогда, когда она не осознается (формулируется как «продолжение рода», «сохранение фамилии»).

По мере распространения контрацептивной технологии снимается прямая зависимость количества детей и удовлетворения потребности в сексуальных отношениях, еще более снижая биологическую составляющую класса стимулов и причин. Изменение юридической практики наследования и общественной шепетильности в вопросах «законно-незаконнорожденный» способствовало уменьшению социальной составляющей. Успехи медицины в обеспечении выживаемости детей также благоприятствуют изменению социальной нормы количества детей в семье, большинство детей благополучно переживают детский возраст. Создание государственных мер социальной защиты — таких, как пенсионное обеспечение, оплата больничных листов, пособие по инвалидности и других, еще более сократили значимость рождения детей для индивидуума, уменьшив экономическую составляющую.

Разработана и кодифицирована система прав детей, согласно которой использование детского труда запрещено, запрещена продажа детей, определен круг обязанностей родителей. В XX в., особенно во второй его половине, существенно увеличился возраст, когда ребенок становится экономически и социально самостоятельным (в первую очередь за счет увеличения периода обучения). Кардинально изменились и представления о норме обеспечения ребенка — его питании, одежде, усилиях по интеллектуальному развитию. Социоэкономический стимул постепенно меняет знак, превращаясь в *экономическую нагрузку*, причем весьма существенную нагрузку, постоянно возрастающую в относительном балансе доходов семьи (до 50 % дохода семьи уже в раннем периоде).

Изменение отношения к ребенку, трансформация психологической потребности в детях в странах европейской культуры развивалось во взаимосвязи с ростом уровня социально-культурного развития общества. Это проявляется в увеличении значимости личностных качеств, в изменении поло/ролевых отношений в семье и обществе. «Меняется норма супружеской жизни: супруги отказываются безоговорочно подчинять свои интересы интересам детей. ... Эмоциональные устремления, сфера общения, интересы каждого из членов семьи выходят за рамки супружества» (Голод 1994). В обществе сформировались новые нормы и потребности: ценность собственной жизни, право на свободное время, индивидуальные интересы, потребность избирательного общения, совместного времяпровождения, обеспечение возможности для самореализации каждого, автономность от социальных общностей... Другими словами, многие взрослые испытывают потребность в самореализации через избирательное общение не только с родственниками и коллегами, но и через профессиональную деятельность или самовыражение в различных увлечениях, высоком уровне здоровья и т. д. Это возможно только при наличии свободного времени и хотя бы небольших свободных средств, не предназначенных для обеспечения семейных потребностей.

Естественно, меняется и отношение к ситуациям, однозначно угрожающим собственной целостности на уровне физического здоровья и свободы. В этих условиях семьи оказались под двойным прессом. Рождение и воспитание ребенка — чрезвычайно затратное явление. С одной стороны, некоторые ресурсы, использованные при рождении и воспитании ребенка, можно смело отнести к «невозобновимым» — здоровье, личное время, независимость. С другой стороны, в чисто экономическом отношении ребенок потребляет значительную долю доходов семьи. Фиксирование социальной нормы на уровне одного–двух детей в семье становится неизбежным. С изменением системы ценностей взрослого человека неизбежно и смещение места отдельных ценностей в иерархии ценностей личности.

Ранее значимые стимулы постепенно нивелируются до исчезающе малых величин (в первую очередь стимулы биологического и экономического класса). Сохраняют некоторое значение социальная норма и культурная традиция, но по мере стабилизации других социальных условий они также начинают модернизироваться. Преимущественное значение приобретают *индивидуально-психологические* мотивы.

Наравне с ранее сформированными появляются и новые мотивы. Значительное увеличение продолжительности жизни в среднем для большинства населения (от 30 до 70 лет) за очень короткий срок — чуть более века позволило, в том числе, определить, что развитие личности не ограничивается периодом роста и взросления. При стабильных и относительно безопасных условиях жизни оно продолжается, на каждом из этапов жизнедеятельности человека имея свои особенности. Модифицируется, кроме того, и отношение к детям, психосоциальные ожидания от роли ребенка в семье. Например, надежда посредством рождения ребенка укрепить отношения между супругами возникает лишь с распространением браков, основанных

на преимущественно эмоциональных отношениях, с распространением социальной нормы юридического прекращения брака. С появлением свободного времени и в условиях физического облегчения большинства форм труда, с увеличением продолжительности жизни и массовым распространением образования меняются стандарты потребления и система ценностей, расширяется диапазон психологических потребностей личности. Многие из этих психологических потребностей реализуются в процессе общения с детьми.

Распределение ответов на анкетные опросы, проводившиеся различными авторами (Карцева 2003; Молодая семья 2005) о мотивах рождения детей, подтверждает предположение о преобладании психологической мотивации. Среди ответов типичными являются: «Чтобы проявить свою заботу и любовь», «Чтобы не чувствовать себя одинокой/ким», «Желание иметь ребенка другого пола», «Любовь к детям», «С детьми интереснее жить»; «Укрепляет семью», «Сближает супругов», «Ребенок — это счастье». Принципиально значимым в этой ситуации является то, что *для удовлетворения индивидуально-психологической потребности в большинстве случаев достаточно одного ребенка, изредка — двоих.* Психологическая доминанта в репродуктивной мотивации обуславливает изменение модели рождаемости на малодетную, и на период сохранения современных социальных условий, вероятнее всего, будет оставаться именно такой.

Более того, возникают и другие способы реализации психологической потребности. Известны факты, если так можно выразиться, суррогатного удовлетворения психологической потребности — через привязанность к животным. Это позволяет, в том числе, семьям с одним ребенком поддерживать достаточно высокий уровень эмоциональности (например, потребности в открытом проявлении и принятии любви, привязанности) и компенсировать несоответствие продолжительности активной жизни современного человека и периода детства одного ребенка. На сегодняшний день факты замещения в психологической сфере привязанности к ребенку на привязанность к домашнему животному давно перешли из разряда экзотических в массово распространенные. Но при сильном социальном давлении возможно и дальнейшее распространение в социуме этой практики, что будет провоцировать у все большего количества семейных пар отказ и от одного ребенка. С этой точки зрения, отсутствие в обществе социальной и культурной ценности здорового и активного ребенка, отсутствие государственной поддержки такого приоритета очень опасно.

С другой стороны, психологическая значимость ребенка — сравнительно недавнее историческое образование. И оно недостаточно стабильно — для различных людей характерен различный уровень психологической привязанности к детям (вплоть до полного ее отсутствия). Поэтому не стоит воспринимать сложную психологическую составляющую отношения к ребенку как биологически обусловленную, обязательную и свойственную каждому индивиду в норме. В периоды социальных катаклизмов это неустойчивое социально-культурное образование может частично ослабевать, разрушаться,

о чем, к сожалению, свидетельствует неубывающее число детей-социальных сирот в современной России (Исупова, 2002).

При стабильных социальных условиях и улучшении условий жизни, при усложнении внутренней структуры личности психологическая мотивация развивается, разветвляется. Постепенно сама потребность в детях становится все более сложной, многоаспектной. Для большинства современных родителей недостаточно самого факта существования ребенка. Ребенок нужен не для предъявления его обществу (выполнения неких функций — сохранения земли, рода, льгот например). Родители испытывают потребность не только иметь ребенка на физическом уровне и даже не только испытывать любовь к ребенку, получать определенные эмоции, обусловленные существованием детей. Для современных родителей не менее важно, чтобы ребенок был близок им мировоззренчески и психологически. Подавляющее большинство современных людей испытывает потребность в близости ребенка к родителю по мировоззрению: системе ценностей и норм (например, чтобы он принимал сходное определение добра и зла). Важно, чтобы по мере взросления ребенок оставался *культурно един* с родителем.

Но в этом случае становится значимым еще одно условие. Единство психологического и культурного пространства в современном поликультурном обществе можно обеспечить только через активное непосредственное участие в развитии ребенка (играть, общаться, делиться впечатлениями, оценками, обсуждать значимые моменты жизнедеятельности). Следовательно, *проводить с ребенком достаточно много своего свободного личного времени*, которое является невозобновимым и ограниченным ресурсом.

Действительно, для удовлетворения психологической потребности нужен всего один ребенок — но взаимодействие с ним должно быть совершенно иного качества: *эмоционально и интеллектуально насыщенным, времяемким*. То есть, с одной стороны, семье достаточно 1–2 детей (этого количества достаточно для реализации психологической потребности), с другой стороны, она и не может себе позволить существенно большее количество детей — слишком высокие требования предъявляет сама семья к процессу взаимодействия с ребенком и к условиям жизнедеятельности. Интересно, что высокий уровень требований к внутрисемейному взаимодействию начинают предъявлять оба поколения — и взрослые, и дети.

Уровень рождаемости как конфликт двух уровней управления

Безусловно, эта тенденция проявляется прежде всего в технологически развитых государствах, что определяется высокими требованиями таких государств к своим гражданам (к уровню контроля за своим поведением, интеллектуальному развитию, уровню материального благосостояния и образования населения, способности к долгосрочному планированию профессиональной деятельности). Приобретая определенные социопсихологические характеристики, человек неизбежно распространяет их использование и на другие сферы жизнедеятельности — репродуктивные в том числе. При высоком среднем уровне образования в государстве большая часть людей

имеют достаточно четко сформированные представления об оптимальной для себя норме жизнедеятельности и перспективах развития детей, осознают и оценивают свою ответственность за них и свои возможности по реализации этих норм. И в соответствии с этими представлениями на основе системы ценностей и приоритетов собственной жизни организуют свое репродуктивное поведение — в современном обществе чаще всего в сторону снижения числа детей в семье. Эта закономерность подтверждается статистикой мирового охвата на протяжении XX – начала XXI в. В странах с высоким уровнем актуальных для нашего времени качественных характеристик населения рождаемость низкая, и наоборот. Иными словами, причинно-следственная связь между уровнем жизни и рождаемостью в современных социальных условиях скорее обратная, хотя и опосредована поведенческим фактором, точнее, его социокультурной составляющей.

Как следствие, возникает несовпадение приоритетов семьи и государства. Реализация любой потребности происходит за счет каких-либо ресурсов, и создание любого капитала/ресурса требует определенных затрат. На сегодняшний день использование человеческого капитала осуществляется на двух уровнях — семейном/межличностном и государственном, в то время как затраты на создание человеческого капитала осуществляются преимущественно на одном уровне — семейном. В случае рождения ребенка используются ресурсы семьи, которая несет основную нагрузку по содержанию и развитию ребенка. С ростом уровня самоконтроля за репродуктивным поведением семьи становится невозможным безвозмездное использование ее ресурсов. Часть ресурсов принадлежит *исключительно* семье или личности — способность к деторождению (во всяком случае до тех пор, пока технология «промышленного» клонирования людей запрещена). Другая часть ресурсов относится к «невозобновимым» — потери или затраты так называемого свободного времени членов семьи, здоровье женщины. Если государство действительно заинтересовано в рождении и воспитании детей, оно неизбежно должно будет взять на себя «возобновимую» часть ресурсов. Возобновимыми ресурсами в данном случае являются единственно доступные государству — т. е. экономические ресурсы, затрачиваемые семьей на рождение и воспитание ребенка. Скорее всего государство вынуждено будет восстанавливать семье значительную часть затраченных экономических ресурсов. Это неизбежно, если государство действительно определяет для себя приоритетность семьи с двумя и более детьми. Эта проблема стоит одинаково перед всеми технологически развитыми странами.

Другой возможности нет — государство будет или компенсировать затраты семьи на ребенка, или разрешать государственные потребности иным способом, поскольку даже экономическая компенсация в данном случае ни в коей мере полностью не возмещает затрат. И тем большая компенсация становится необходима для реализации потребности государства в людском ресурсе, чем больше потребность государственной системы превышает потребность семейной организации общества.

Безусловно, государство, как и любая целерациональная система, стре-

мится минимизировать свои затраты. Как следствие, в ближайшие десятилетия может возрастать роль миграционной политики. Экономически выгоднее и быстрее привлечь готовый ресурс, чем его создавать как минимум в течение двух десятилетий. Собственно, всегда возможна реализация множества стратегий даже в рамках низкой рождаемости. Например, можно искусственно снизить уровень социального и образовательного развития населения своей или других стран (посредством перманентной инфляции или войны — и открывать границы для беженцев, подключая программу активной ассимиляции).

Примером другой возможной стратегии может служить развитие социальной политики государства в двух направлениях. На первом — обеспечение сравнительно небольшого количества населения с высокими качественными показателями на основе регулируемых процессов естественного воспроизводства населения страны. Второе направление — обеспечение средствами миграционной политики (с хорошо проработанным адаптационным блоком) притока значительной части низкоквалифицированных трудовых ресурсов и обеспечение безопасности взаимодействия двух социальных групп различного уровня социального развития и гражданского статуса. Как уже отмечалось, возможна реализация множества стратегий — и любая из них может быть высокоэффективной — в том случае, если это будет целенаправленно используемая стратегия с ясным пониманием вероятных результатов и последствий. В противном случае — примеры развития демографических проблем в Китае или проблем с иммигрантами во Франции разворачиваются буквально на наших глазах.

В заключение можно отметить следующее. При построении социальных программ как регионального, так и федерального уровня недостаточно учитывается изменившаяся социальная ситуация в современной России. Существуют совершенно объективные причины, вследствие которых декларативные призывы «увеличить рождаемость» обречены на неудачу. И эти причины не исчерпываются экономическими неурядицами государства или проблемами психологического здоровья населения. В течение большей части периода исторического развития России население проживало в гораздо более бедных условиях; экономических гарантий не было никогда. Социальные кризисы и конфликты испытывало большинство поколений населения, становление психической структуры личности большей частью исторического времени сопровождалось различного вида стрессами и лишениями. В то же время высокая репродуктивная активность населения сохранялась в самых разнообразных условиях. Что изменилось сегодня? Изменились потребности семьи, изменились возможности семьи. Изменились потребности личности. Изменяются и представления о нормах затрат на воспитание и содержание ребенка — затрат не столько материальных, сколько духовных, временных, физических. По мере роста уровня образования, культуры и грамотности населения ресурс, необходимый для развития ребенка, неизбежно будет увеличиваться, возрастает и чувство ответственности внутри семьи. Соответственно и возможные меры воздействия на репродуктивную

активность населения необходимо разрабатывать на основе общих тенденций развития мотивационной системы факторов. Противодействие логике развития мало результативно, и по мере развития общей тенденции эффективность затраченных усилий будет только снижаться.

Возникает, естественно, и другой вопрос: существует ли собственно проблема воспроизводства? Другими словами, насколько необходимо государству именно воспроизводство существующей численности населения или его увеличение? При подготовке к ведению военных действий или освоению новых территорий и их заселении — население должно возрастать. Последние столетия Россия существовала именно в таких условиях. Возможно, уверенность в необходимости постоянного увеличения численности населения не более чем устаревший стереотип, поскольку уровень производительности труда в России остается низким. Возможно, и даже необходимо, чтобы главным направлением сохранения численности населения было снижение смертности мужчин в трудоспособных возрастах, уже приводящее к огромным экономическим и социальным потерям. К тому же для будущей экономики высоких технологий характерно уменьшение рабочих мест.

Рассматриваемый вопрос распадается на два логических блока:

1. Какое реальное количество населения необходимо России в настоящее время с учетом современных тенденций социального развития?
2. Каким образом при снижающемся количестве населения можно обеспечить выполнение необходимых государству функций?

Для ответа понадобится изучение *качественных* особенностей населения и особенностей современного функционирования государства. Этот вопрос требует тщательного анализа. Надеяться на решение всех проблем исключительно через увеличение рождаемости — несерьезно. Подобный подход лишь позволяет отодвинуть решение проблем до следующего поколения. Социальная политика, к сожалению, по-прежнему во многом строится исходя из рассмотрения населения исключительно с точки зрения «потребности во все новых солдатах, рабочей силе и потребителях товаров» (Араб-Оглы 1982).

В то же время импульс развития демографических процессов можно использовать. Историческое развитие на сегодняшний день привело к ситуации, принципиально меняющей позицию общества и государства, к ситуации, когда *дети нужны государству значительно сильнее, чем семье*. Сегодня репродуктивные потребности семьи вошли в противоречие с потребностями государства, может быть, впервые в истории цивилизации. Современное государство должно искать иную концептуальную основу для социальной политики, выйти за рамки реагирования на сложившуюся ситуацию.

Литература

- Антонов А.И. Репродуктивное поведение семьи // Социология семьи. М.: ИНФРА-М, 2007.
- Араб-Оглы Э.А. Демографическое прогнозирование // Рабочая книга по прогнозированию. М., 1982.
- Баранов А.В. О некоторых факторах популяционного кризиса // Социологические исследования. 2000. № 7.
- Борисов В.А. Перспективы рождаемости. 1986.
- Бреев Б.Д. К вопросу о старении населения и депопуляции // Социологические исследования. 1998. № 2.
- Вишневский А.Г. Пять вызовов нового столетия // Мир России. 2004. № 2.
- Вишневский А.Г. Избранные демографические труды. Т. 1. М.: Наука, 2005.
- Голод С. Петербургская семья сегодня // Петербург начала 90-х: безумный, холодный, жестокий... СПб., 1994. С. 54–58.
- Дарский Л. Е. Рождаемость и репродуктивная функция семьи // Демографическое развитие семьи: Сб. статей / Под ред. А.Г. Волкова. М.: Статистика, 1979. С. 85–125.
- Исупова О.Г. Отказ от новорожденного и репродуктивные права женщин // Социологические исследования. 2002. № 11.
- Карцева Л.В. Модель семьи в условиях трансформации российского общества // Там же. 2003. № 7.
- Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена Постановлением правительства РФ № 1351 от 09.10.2007.
- Молодая семья: проблемы и перспективы социальной поддержки. Красноярск, 2005.
- Новосельский С.А. О тесноте связей между рождаемостью и детской смертностью // Советская демография за 70 лет. М.: Статистика, 1988.
- Римашевская Н.М. Социально-экономические и демографические проблемы современной России // Вестник Российской академии наук. 2004. Т. 74. № 3. С. 209–218 // <http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/VRAN/2004/DEAD.HTML>
- Страны и регионы. 2005: Статистический справочник Всемирного банка: Пер. с англ. М., Весь мир, 2005.
- Струмилин С.Г. К проблеме рождаемости в рабочей среде: Проблемы экономики труда. М.: Госполитиздат, 1957.
- Статистические материалы федеральной службы государственной статистики // www.gks.ru